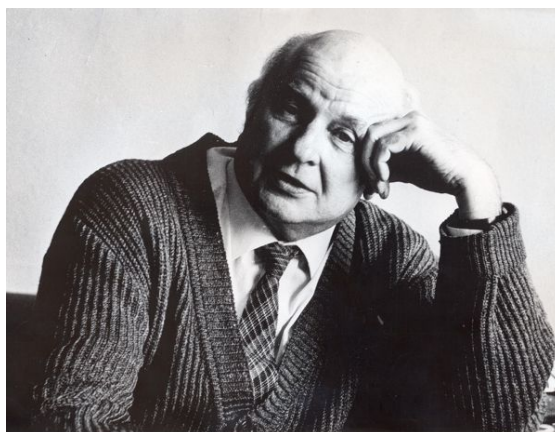

23 декабря 2016

Гурий Барышев и его батлейка

Он вернул батлейку

Сейчас батлейка — привычный, чуть ли не обязательный реквизит рождественских праздников. В эти дни народные кукольные спектакли можно увидеть в Минске, Витебске, Гродно — повсюду. Музеи, галереи, «квартирники» озаряются мерцанием свечей, зажженных у волшебных деревянных ящичков — почти таких же, как триста лет назад. В первые дни января пройдет очередной международный фестиваль батлейки, признанной не меньшим национальным достоянием, чем бесценные слущкие пояса — на новых денежных купюрах они даже изображены рядом. Но так было не всегда.

Стать «преданьем старины глубокой» батлейка могла гораздо вернее, чем одним из национальных символов. Если бы... Этих «если бы», конечно, немало, но начинаются они с одного имени. Имени Гурия Барышева, человека в белорусской культуре совершенно уникального и неожиданного.

«Я внук гуттаперчевого мальчика», — говорил он о себе иногда. Возможно, гены цирковых акробатов в сочетании с жарким ташкентским солнцем его детства и подарили Барышеву счастливый талант соединять крепким канатом множество разных наук, искусств и веков, балансируя на нем так уверенно, что это впечатляло сразу и безоговорочно. И ученых мужей, и советских идеологов, всех. На непопулярные когда-то темы о богатстве нашей дореволюционной культуры, об удивительных театрах белорусских магнатов он заговорил одним из первых. С жаром очевидца рассказывал о представлениях Семена Зорича в Шклове, во время которых декорации могли меняться до 70 раз. Или о спектаклях в слонимской «Усадьбе муз» Михала Казимира Огиньского, когда на залитую водой сцену выплывали отнюдь не бутафорские лодки... Говорят, было время, когда на его лекции в театрально-художественном институте, а позже в институте культуры ходило пол-Минска. Понятно, что в действительности число желающих услышать Барышева ограничивалось размерами студенческой аудитории, но те, кому посчастливилось туда попасть, единодушно настаивают: эти, скорее, моноспектакли собирали полгорода, не меньше.

Ведь приходили далеко не одни лишь студенты. А в конце 1980-х он рассказывал об этом уже в телеэфире. Все также увлеченно и восторженно.

Но, пожалуй, самой большой любовью Гурия Барышева оставалась белорусская батлейка, завоевавшая его сердце во время первых экспедиций в глубинку, когда он поступил в аспирантуру Института литературы и искусства АН БССР. В 1950-х кое-где в деревнях ее, непопулярную, фактически запретную со своими религиозными мотивами, еще можно было застать в аутентичном виде. Барышев успел зафиксировать и язык, и облик кукол — тогда же, в 1950-х, в серьезных научных изданиях вышли его первые статьи о батлеечниках. Успел расспросить тех, кто видел и помнил первые представления еще в XIX веке. Сегодня именно по его книгам восстанавливают и реконструируют жанр по всей Беларуси.

Первая из них — «Белорусский народный театр батлейка» вышла еще в 1962-м, немислимым образом обойдя барьеры официальной цензуры. Книгу назвали революционным прорывом, практически сразу она стала библиографической редкостью. Еще потому, что весь ее первый тираж в результате аварии в типографии (случайной ли?) оказался затопленным... В годы свободные, открытые, но ненадежные значительное количество архива Барышева на эту тему было утрачено безвозвратно: в 1990-х один из зарубежных фондов предложил Гурию Илларионовичу издать новую книгу, проект не реализовался, уникальные слайды и фотографии пропали. Но свежий запах типографской краски своей последней книги с лаконичным названием «Батлейка» он все же успел вдохнуть. И овации спектаклю «Царь Ирод», поставленному по его пьесе Белорусским театром кукол, увидел. Несколько лет театр возил «Царя Ирода» по международным фестивалям. Так совпало, что спектакль и его автор покинули свою публику навсегда почти одновременно...

В Белорусском архиве—музее литературы и искусства хранятся бесчисленные рукописи Гурия Барышева не только о театральной жизни в Беларуси XVIII века, но и очерки о современных ему художниках, газетные рецензии и статьи для энциклопедий, либретто балетов и сценарии телепередач. Быть всего лишь актером он не смог ни в Ташкенте, ни в Минске, куда приехал по приглашению театра имени Горького. Ему всегда нужно было больше. Между своими лекциями в театрально—художественном он рисовал и лепил наравне со студентами. В кресле завкафедрой — исполнял арии из классических опер...

Плов

— Любил дарить, угощать, часто — в самом буквальном смысле, — вспоминает искусствовед Рабига Караулова, коллега Барышева по университету культуры и искусств. — Гурий Илларионович прекрасно готовил, причем и в еде предпочитал яркие краски. Угощая пловом и вином, которое также делал сам, переходил к ренессансной кухне, рассказывал истории, например, о том, как рис попал в Европу. Этот человек знал все и обо всем, помнил массу занятных фактов и мог дать совет хоть о выращивании цветов — ему все было интересно. Успевал везде — самозабвенно общаться, радоваться жизни, оставаясь при этом серьезным ученым. Рассказывал, что лекции ему читал сам Мика Морозов с картины Серова — Михаил Михайлович Морозов, один из крупнейших советских искусствоведов. Приехав в Минск после Репинского института, благодаря Барышеву я попала в ту невероятную атмосферу, к которой привыкла в Ленинграде.

Реконструкция батлеечного театра «Дукорская батлейка»

Фантастика

— Познакомились мы удивительным образом, — рассказывает ученица Барышева, профессор Института культуры Беларуси Наталья Пискун. — После библиотечного факультета я осталась работать в библиотеке университета культуры. Гурий Илларионович был у нас частым гостем, заказывал литературу по теме своих исследований. И научную фантастику — перечитал практически всю, которая была в библиотеке. В то время я была изрядной перфекционисткой и считала такие тексты чтивом не самой высокой пробы. О чем однажды, осмелившись, сказала профессору Барышеву. Возможно, именно тогда он и обратил на меня внимание. «Знаешь, если бы не эти книги, я не написал бы ни одной своей научной работы, — ответил он. — Фантастика замечательно переключает и раздвигает горизонты того мира, к которому мы так привыкли». Через пару лет нашего знакомства, придя в библиотеку, он внимательно посмотрел на меня и сказал: «Думаю, ты уже созрела. Пора заниматься наукой». Предложения такого рода я получала и раньше, но стать его ученицей было особой честью.

Коза

— Когда я принесла ему на рецензирование свою первую публикацию, которая, к слову, была посвящена батлеечной козе, он, прочитав текст, рассмеялся: «У тебя коза с высшим библиотечным образованием получилась, понимаешь?» — продолжает Наталья Дмитриевна. — Представить научный текст, по сути, не совсем научного материала было не так просто. Некоторые вещи меня поначалу озадачивали и смущали. Ведь персонажи народных спектаклей порой не стеснялись в высказываниях. Я обращалась к Гурию Илларионовичу за разъяснениями очередного «соленого словца», он был очень интеллигентен, но всегда все объяснял. У нас было немало разговоров о своеобразной лексике белорусской батлейки, в которой можно обнаружить даже присутствие узбекских слов — наш народный театр был очень поликультурным и полилингвистичным.

Время проводить экскурсии у Гурия Барышева также находилось

Грузовик

Трудоспособность Гурия Илларионовича была феноменальной. На работу он приходил раньше всех, иногда даже в 6 утра — и начинал стучать по клавишам печатной машинки, будто музицировал в тишине. О Барышеве невозможно говорить в обычном тоне. Внутри его было солнце. И безграничная любовь к людям. Однажды, когда он шел на работу, его зацепил проезжающий мимо автомобиль — дорога была скользкой, машину занесло. К счастью, серьезно никто не пострадал. «Будь внимателен, позаботься о тех, кому ты дорог», — мягко сказал

подбежавшему водителю Гурий Илларионович. Только и всего. Пришел в институт промокшим, быстро привел себя в порядок и отправился на лекции.

Его обожали коллеги и студенты, в последний год жизни — врачи и соседи по больничной палате. Встретить такого учителя — редкое счастье. Я долго не решалась спросить, откуда он берет столько внутренних сил. Но Гурий Илларионович однажды сказал об этом сам: «Ты знаешь, я — Возрожденческий человек, я очень люблю жизнь, так радуюсь каждому дню».